

Содержание

<i>О книге</i>	3
Предисловие	5
Магия денег	11
Деньги и мораль	11
Деньги — мерило ценности в свободном мире	13
Сколько нужно денег, чтобы считаться миллионером?	16
Правильное отношение к деньгам	17
Миллионер за короткий срок	20
Искусство, а не наука	21
Я был и остаюсь спекулянтом	22
Мой биржевой зоопарк	25
Спекуляция так же стара, как само человечество!	25
Спекулировать или не спекулировать?	29
Маклер: только оборот имеет значение	31
Управляющий финансами: повелитель миллиардов	32
Финансисты: великие воротилы	32
Арбитражеры: представители вымирающего вида	33
Трейдеры: биржевые азартные игроки	35
Инвесторы: марафонцы биржи	39
Спекулянты: стратеги на длительную перспективу	41

Спекулировать — но чем?	47
Шансы и риски	47
Облигации: более привлекательный объект спекуляции, чем принято думать	48
Валюта: раньше было интереснее, чем сейчас	53
Сырье: противостояние спекулянтов	61
Материальные ценности:	
коллекционеры или спекулянты	64
Недвижимость:	
только для крупных спекулянтов	66
Акции: созданы для спекуляции	68
Биржи — нервная система рыночной экономики?	71
Час рождения	71
Нервная система капитализма	77
Место встречи	80
Зеркало мировой истории	81
Термометр экономики?	81
Что управляет курсами	83
Логика биржи	83
Постулат предложения и спроса	84
Долгосрочные факторы влияния	87
Минор или мажор?	87
Самое главное — это мир	87
Экономическое развитие в долгосрочной перспективе	89
Среднесрочные факторы влияния	101
Деньги + психология = тенденция	101
Конъюнктура: не имеет значения для среднесрочных биржевых тенденций	104
Инфляция: только борьба с ней причиняет вред	107

Дефляция: величайшая биржевая катастрофа	109
Центральные банки: повелители процентов ...	110
Облигации: конкуренты акций	116
Валюта: как поживает доллар?	119
Психология масс	121
Биржевая психология	125
Вы уже дрожите или пока держитесь?	
Вот в чем вопрос	125
Деньги	125
Ум	128
Терпение	132
Удача	133
«Яйцо Костолани»	134
Бум и крах: неразлучная парочка	151
«Тюльпанный кризис» XVII века	151
Математика, сломавшая хребет Франции	155
1929 год: олицетворение биржевого краха	158
Антицикличность как рецепт успеха	167
Сила характера	171
Повышение или понижение — непринципиальный вопрос	173
Информационные джунгли	189
Информация как инструмент спекулянта	189
Феномен свершившегося факта	190
Информационное общество	198
Рекомендации и слухи	199
Биржевые гуру: от мудрого раввина до математика	201
Инсайдерская информация	208
Выбор акций	213
От фондового рынка — к конкретным акциям	213
Отрасли роста: шанс разбогатеть	214
Честная цена акции	216

Содержание	255
Возрождение феникса из пепла	217
Бессмысленный лексикон аналитиков	218
Чарты: выигрыш возможен, но проигрыш неизбежен	220
Управляющие деньгами	225
Спекулянты за чужой счет	225
Инвестиционные фонды:	
общественный транспорт для вкладчиков	227
Хедж-фонды: уже в названии кроется обман . . .	228
Инвестиционные консультанты:	
горе клиентов — их радость	231
Управляющие активами:	
«индивидуальный пошив»	232
Тем, кто хочет рискнуть	235
Проигрыш как неотъемлемая часть игры	235
Это не вопрос времени	237
За нимб приходится расплачиваться	237
Биржа и любовь или любовь к бирже	239
Приложение	247
Десять заповедей	248
Десять запретов	249
<i>Об авторе</i>	<i>251</i>

Предисловие

Когда в феврале 1999 года мы вместе с Андре Костолани начали работу над этой книгой, оба понимали, что она будет последней, но я и не подозревал, что мое предисловие станет некрологом.

Андре Костолани умер 14 сентября в Париже в возрасте девяноста трех лет. Его ослабленный организм не смог справиться с последствиями перелома ноги.

Но этот человек продолжает жить в своих трудах. Он написал тринадцать книг, включая и ту, что лежит сейчас перед вами. Они издавались во всем мире, а их общий тираж составил около 3 миллионов экземпляров. Его рубрика выходила в журнале *Capital* 414 раз. Впервые это произошло в мартовском номере 1965 года под заголовком «Признания спекулянта», а в последний раз — в октябрьском номере 1999 года. Самым большим желанием Костолани было написать статью для январского выпуска 2000 года. «*Capital* гарантировал мне это, но кто даст гарантию, что сохранится сам *Capital*?» — сказал он по данному поводу в своем обычном шутливом тоне.

Бесчисленное множество лекций и выступлений по телевидению состоялось в период с 1964 по 1998 год. Но где бы ни выступал Костолани — будь то на экономическом форуме в Давосе или в народном банке *Jever*, в журнале *Telebörse* или в шоу Харальда Шмидта, — он всегда оставался остроумным, находчивым и задиристым борцом за чистый капитализм.

Андре был ветераном фондового рынка. Но если кто-то рассчитывал на подсказку от биржевого гуру Костолани, то его ждало разочарование. «Не ждите от меня прогнозов» — этими словами начинались все его выступления. По убеждению Костолани, любые прогнозы представляют собой попытки банков и других заинтересованных лиц навязать публике какие-то акции. Но вот советов за тридцать пять лет своей журналистской деятельности он раздал великое множество. Пожалуй, самый известный из них заключался в том, чтобы пойти в аптеку, купить снотворное, принять его, а затем приобрести набор стандартных международных биржевых активов и уснуть на пару лет. Те, кто усвоил эту рекомендацию, в итоге получили обещанный им приятный сюрприз.

Самый мудрый из советов Костолани был адресован молодым родителям: «Вкладывайте деньги в образование детей!» Такая рекомендация, полученная от любого другого человека, могла бы показаться пафосной банальностью, но в устах Костолани она приобретала вес. Его самого родители отправили в восемнадцатилетнем возрасте в Париж, на выучку к знакомому биржевому маклеру. Благодаря этой учебе их самый младший сын Андре смог оплатить им безбедную жизнь в Швейцарии после того, как они все потеряли в результате войны и коммунистического правления.

«Наслаждайтесь жизнью», — советовал Костолани прохожим, разъезжая по Будапешту на своем *Audi A8*. Этому принципу он и сам следовал почти до конца своей жизни. Андре смаковал каждый глоток своей жизни. Он любил классическую музыку и более ста раз слушал в театре «Нюрнбергских мейстерзингеров» Рихарда Вагнера и «Кавалера розы» Рихарда Штрауса — с этими композиторами ему посчастливилось быть знакомым лично. Самое большое удовольствие Андре Костолани доставляли музыка, хорошая сигара и размышления

о бирже. Правда, от сигар ему под конец жизни пришлось отказаться по совету врачей.

Косто, как называли его друзья, любил не только веселую и обеспеченную жизнь, но и свою «работу». В публичке он нуждался не меньше, чем она в нем. Люди поддерживали Костолани и не давали ему стареть. Когда в ходе интервью и дискуссий Андре спрашивали о том, в чем заключается источник его энергичности, он всегда отвечал: «В умственной гимнастике». Костолани знал, что с годами одной только музыки и философствований будет недостаточно, чтобы бороться со старостью, и заставлял себя трудиться. В 1998 году он более тридцати раз выступал с лекциями, участвовал в телевизионных шоу и давал интервью. Правда, поездки на самолете, поезде или в машине, да и сам выход на сцену давались ему все с большим трудом, но Андре до последнего дня отказывался от удобных кресел, которые любезно предоставляли организаторы. Ухватившись руками за трибуну, он буквально расцветал, а затем следовало часовое или полуторачасовое захватывающее выступление, наполненное юмором. Под конец жизни Костолани слушатели все чаще вскакивали со своих мест и устраивали ему овации.

Он стал культовой фигурой двух поколений биржевых деятелей в Германии. Но Андре была чужда звездная болезнь. Когда молодые люди просили у него автограф, он с недоумением отвечал: «Но я же не рок-звезда». Правда, Костолани никогда не отказывался и расписывался на входных билетах, банкнотах и футболках.

В перерывах между путешествиями этот «странствующий проповедник», как он себя называл, жил у своей жены в Париже или Мюнхене, который стал для него второй родиной. Там Андре каждый день обедал в кафе торгового пассажа *Нуло*, а вечером отправлялся в любимый итальянский ресторан *Roma* на Максимилианштрассе

или в *Austernkeller*. Однако лучшей кухни, чем в Париже, по его мнению, было не сыскать. Костолани любил обедать в *Chez André* на рю Марбёф и утверждал, что в этом бистро подают лучшие устрицы в городе. На десерт он брал шоколадный торт или мильфей. Частенько Андре захаживал и в знаменитое *Café Fouquet's* на Елисейских полях, где был завсегдатаем с 1924 года, за исключением нескольких военных лет. После обеда он посвящал время сиесте, а по вечерам посещал одно из самых знаменитых брассери. Особенно ему нравилось *La Coupole* на бульваре Монпарнас. Костолани еще удалось застать период, когда здесь в тридцатые годы собиралась вся парижская богема.

Начиная с 1917 года он непрерывно занимался финансами и биржевыми делами, но так и не стал материалистом. Удовольствие Андре доставляли не деньги, добытые в ходе спекуляций, а подтверждение того, что его рассуждения и выводы в очередной раз оправдались. Он всегда называл себя спекулянтом. Спекуляция была для него интеллектуальной игрой. Костолани здраво относился к деньгам. Они являлись для него лишь предпосылкой успешной спекуляции. Андре не был жадным, но и не швырял их направо и налево, кичась своим богатством. Деньги служили для него средством, а не целью. Они помогали Костолани в трудных ситуациях, когда он, к примеру, бежал из Парижа, спасаясь от нацистов, обеспечивали наилучшее медицинское обслуживание, что он очень ценил в старости, и давали возможность вести комфортную жизнь. Если у Андре вдруг возникало желание послушать оперу или побывать на концерте, он запросто мог отправиться на один день в Милан и посетить «Ла Скала». Но если появлялась возможность на чем-то сэкономить, то он не отказывался. Когда организаторы какого-то мероприятия присылали ему билет на полет первым классом (в то время первый класс существовал

еще на всех рейсах), Костолани по возможности старался обменять его на два билета экономкласса, чтобы следующий полет был для него бесплатным. В таких случаях он говорил, что широкие сиденья ему не нужны, поскольку он и так достаточно стройный.

Но больше всего гражданин мира Костолани ценил финансовую независимость, которую обеспечивали ему деньги. Она была для него второй по значимости привилегией после здоровья, поскольку давала возможность делать и говорить практически все, что вздумается, а также не делать и не говорить того, чего не хочется. Будучи финансовым обозревателем, Костолани использовал свою независимость в борьбе против мошеннических инвестиционных фондов в семидесятые годы, против золотого лобби в восьмидесятые, против Федерального банка ФРГ и его политики «нового рынка» в девяностые. Но с кем бы он ни боролся, всегда делал это «по убеждению». Некоторые критики обвиняли Костолани в том, что он сознательно ищет врагов, чтобы прибавить себе популярности, но на самом деле все было не так. Те, кто знал его так же хорошо, как я, видели, что он с той же страстью отстаивает свои убеждения и в частных беседах, а не только в публикациях и докладах. На вопрос одного из журналистов, нет ли у него желания вернуться в свои двадцать лет, Андре ответил: «В двадцать? Вы шутите. Мне бы хотелось вернуться в свои восемьдесят, чтобы у меня осталось еще десять лет на борьбу с Бундесбанком».

Еще задолго до Оскара Лафонтена* он пришел к выводу: «Сердце у меня бьется слева...» Однако у Костолани это высказывание имело продолжение: «...но голова находится справа, а бумажник уже давно в Америке». Многолетний биржевой опыт научил его тому, что в экономике практика и теория далеки друг от друга.

* Бывший председатель Социал-демократической партии Германии. — *Прим. перев.*

Эту книгу можно считать завещанием Андре Костолани. С начала 1999 года и до самой смерти работа над ней находилась в центре всей его деятельности. Будучи прикованным к своей парижской квартире, он сосредоточил все силы на этом проекте. Андре не успел написать только предисловие, которое любой автор, как ни парадоксально, всегда оставляет на потом.

Его мысли особенно занимало новое поколение, пришедшее на биржу после внедрения в ее работу технических новшеств от *Deutsche Telekom*. Он приветствовал растущее доверие к акциям в Германии, но его тревожило все более широкое распространение духа азартных игр. В этой книге Костолани хотел выразить свое отношение к инвестированию и спекуляциям, которые не сводились для него исключительно к трейдерству, купле-продаже активов в режиме реального времени и заявкам «стоп-лосс».

Во введении к своей книге «Подведение итогов будущего» (*Bilanz der Zukunft*) Андре признавался, что уже несколько лет не посещает биржу, поскольку боится, что Всевышний обнаружит его там и подумает: «Что, старый Косто еще жив? Пора ему уже на Небеса. Он мне здесь пригодится. Его бывшие коллеги уже заждались его, да и место за столом пустует». Но когда Господь призовет его, то самой большой радостью для него будет, если друзья, ученики и читатели скажут: «Косто опять оказался прав!»

Дорогой Андре, я надеюсь, ты уже обосновался на Небесах и время от времени наблюдаешь за биржей. Если так, то ты видишь, что твой оптимизм по-прежнему одерживает верх над теми, кто склонен к мрачным прогнозам.

Штефан Рисе*,

Бремен, декабрь 1999 года

* Штефан Рисе был близким другом и постоянным спутником Андре Костолани. Он работает независимым журналистом по финансовым вопросам и ведет свою рубрику в журнале *Telebörse*.

Магия денег

Деньги и мораль

Многие мыслители — от Аристотеля и Франциска Ассизского (апостола бедняков) до Маркса и Иоанна Павла II — неустанно пытались найти ответ на вопрос, насколько оправданна тяга к деньгам с точки зрения морали. Они так и не пришли к общей точке зрения, но деньги никого из них не могли оставить равнодушными. Одних они привлекали, других отталкивали. Софокл видит в деньгах воплощение зла, в то время как Эмиль Золя в любимом мною одноименном романе задает вопрос: «Зачем же взваливать на деньги вину за те мерзости и преступления, которые они порождают?» Объективной оценки как не было, так и нет. Все зависит от философского подхода и материального положения каждого отдельного человека. Ведь желание объяснить тягу к богатству аморальными стремлениями обусловлено, как правило, завистью, а не чувством справедливости.

Но независимо от того, кто и как отвечает на данный вопрос, одно остается неоспоримым: тяга к деньгам — это движущая сила экономического прогресса. Возможность заработать пробуждает в каждом человеке творческие способности, трудолюбие, готовность к риску. Философ может задаться вопросом, способны ли деньги — или то, что можно за них купить, — нас осчастливить. Стали ли мы счастливее благодаря компьютерам, телевизорам,

автомобилям и т. п., чем люди, жившие пятьсот лет назад, у которых всего этого не было? Пожалуй, нет, потому что нельзя сожалеть об отсутствии того, что нам неизвестно. Но одно не подлежит сомнению: без экономического прогресса, который повлек за собой прогресс в медицине, я бы сегодня не сидел здесь и не писал в девяносто три года свою тринадцатую книгу. И это меня очень радует.

Не хочу утверждать, что капиталистическая система, которая основана на стремлении к деньгам, справедлива. Нет, это обман, но давайте признаемся, что чрезвычайно удачный. Разница между капитализмом и социализмом объясняется очень просто: либо большой пирог, который делится несправедливо, либо маленький, который делится поровну. В результате «справедливые» куски маленького пирога оказываются намного меньше, чем самые маленькие куски большого пирога. Каждый волен решать, какая из систем лучше. Пока мир склоняется в пользу большого пирога. Возможно, это объясняется тем, что капиталистическая система намного ближе человеческой природе. Ведь даже социализм не смог полностью устранить тягу к богатству. Помню, в 1946 году я поехал в Будапешт. В Америке тогда царил неприкрытый капитализм. На вечеринках обсуждалась только одна тема — деньги. Никого не интересовал человек как таковой. Значение имело только то, сколько он зарабатывает и что имеет. В Будапеште же наблюдалась полностью противоположная ситуация. Там говорили только о том, что люди делают и насколько удачно у них это получается. Кто-то успешно сочинял музыку, кто-то написал бестселлер, кто-то сделал себе имя в науке и т. д. Эта атмосфера нравилась мне куда больше, но один из друзей меня просветил: «Никто не говорит о деньгах, но все думают о них». А поскольку надежды разбогатеть не было, то о них предпочитали молчать.

Деньги — мерило ценности в свободном мире

Разумеется, между желанием иметь деньги и желанием их зарабатывать есть разница. Обладание финансами сулит самые разнообразные радости жизни. Есть люди, которых делают счастливыми деньги как таковые. Я знал одного человека, для которого самым любимым занятием было складывать числа в выписках из банковских счетов. Есть и такие, которым доставляет радость сама мысль о том, что они могут купить что-то красивое и дорогое. На самом деле такие люди ничего не покупают, им достаточно только осознания того, что у них есть эта возможность. Они ощущают энергетику денег — и чувствуют себя счастливыми. У меня был друг, который, произнося слово «деньги», поглаживал свой бумажник сквозь ткань пиджака, чувствуя, как в его чековой книжке концентрируются все радости жизни. А один знакомый рассказывал мне, что каждый раз, получая от кого-то деньги, испытывает сексуальное возбуждение.

К счастью, существуют и такие люди, которые не просто осознают, что могут что-то купить, но и делают это. Они не довольствуются изучением меню, а едят, потому что хотят наслаждаться жизнью. Если бы таких индивидуумов не было, их стоило бы придумать, а иначе мы жили бы в условиях постоянной дефляции. Один из таких людей — поэт Йожеф Киш, истинный интеллектурал, которого я считаю венгерским Генрихом Гейне. О нем рассказывают такую историю.

Как-то раз Киш, идя в банк, где обычно получал пособие, увидел в витрине дорогого продовольственного магазина чудесный ананас.

- Сколько он стоит? — нерешительно спросил Киш.
- Сто форинтов, господин поэт.

«Я не могу себе этого позволить», — подумал Киш и пошел в банк.

Но на обратном пути, снова проходя мимо магазина, он поддался искушению и купил ананас. Генеральный директор этого банка, тайный советник Лео Ланчи, утром тоже видел ананас на витрине. Вечером он решил зайти и купить его.

— К сожалению, ананаса больше нет. Приходил господин Киш и купил его.

— Вот так значит, — промолвил генеральный директор и вышел из магазина.

При следующей встрече, когда Киш вновь получал пособие в банке, тайный советник набросился на него с упреками:

— Как это понимать, господин поэт? Вы выключиваете у нас сто форинтов, а потом идете и покупаете на них ананас!

— Но, господин генеральный директор, — ответил Киш, — если у меня нет ста форинтов, я не могу купить ананас, а если есть, то, по-вашему, опять же не могу себе этого позволить. Так когда же мне его покупать?

Тот же вопрос мне хотелось бы задать немецким политикам, которые упрекают американцев в том, что те пьют шампанское, а не кока-колу.

В сознании многих людей финансы ассоциируются с властью и являются символом высокого статуса. Это привлекает к ним друзей, лицемеров, завистников, льстецов и паразитов, на которых действует магия денег. Но финансы могут также служить компенсацией за несчастья, например физическое увечье, уродство и т. п. Они могут утешить человека, который мечтает занять положение в светском обществе, но не может сделать этого ввиду скромного происхождения. В таком случае деньги могут заменить родословную. В героические времена американского подъема Эльза Максвелл сделала блестящую

карьеру, устраивая браки новых американских миллионеров ирландского происхождения с обедневшими английскими аристократками. Благодаря общению с графами и герцогами нувориши вдруг почувствовали себя на равной ноге с потомками первых американских переселенцев, которые прежде воротили от них нос. Да и английские аристократы, у которых не было больших средств, тоже начали относиться к ним гораздо благосклоннее.

Для кого-то деньги означают медицинское обслуживание, здоровье и долгую жизнь. С годами я тоже начинаю больше ценить те преимущества, которые дают финансы. Но прежде всего они позволяют обрести независимость, которая, наряду со здоровьем, является для меня одной из главных привилегий.

Если у человека нет денег, он должен их заработать. Большинство людей так и делают, обеспечивая себе каждодневное пропитание. Некоторые пытаются приумножить заработанное. Шопенгауэр говорил: «Деньги похожи на морскую воду. Чем больше ее пьешь, тем сильнее жажда».

Но многих людей привлекает не обладание деньгами, а сам процесс их зарабатывания. Если мне удастся спекулятивная сделка, то я радуюсь в первую очередь не тому, что становлюсь богаче, а тому, что оказался прав вопреки мнению окружающих. Игрок в рулетку тоже радуется выигрышу, но на самом деле его привлекает не это, а возможность пощекотать нервы.

Для интеллектуалов и творческих личностей зарабатывание денег означает наряду с практическими преимуществами признание их талантов. Встречаются художники, писатели и музыканты, которые уже родились богатыми, тем не менее они пытаются по максимуму получать за свои картины, книги или музыку. Мне это тоже свойственно. Если мои книги хорошо продаются, то я радуюсь не столько десятипроцентному авторскому гонорару,

сколько тому обстоятельству, что читатели готовы в десять раз переплачивать за них.

Один из моих старых друзей через подставных лиц скупал картины своей жены, чтобы добиться ее официального признания как художницы. И даже самая красивая женщина будет требовать за свои модельные фотографии максимальные гонорары, чтобы лишний раз удостовериться в своей привлекательности. Я никогда не забуду, как замечательная актриса Лили Дарваш из театра Макса Рейнхардта, с которой мне довелось быть лично знакомым, говорила: «А сейчас, дорогой Андре, я надену что-нибудь вызывающее и пойду гулять по бульвару. Посмотрим, сколько мне предложат. Бесплатно-то каждая женщина красива!»

Сколько нужно денег, чтобы считаться миллионером?

Многие сочтут этот вопрос парадоксальным. Но все зависит от того, что понимать под словом «миллионер». В Вене раньше так обычно называли тех, кому удалось скопить сто тысяч гульденов. У местных жителей миллионером считался не тот, кто имел миллион, а просто богатый и уважаемый человек.

Да и сегодня, строго говоря, миллионер в Германии — это совсем не то же самое, что миллионер в Италии. Итальянский миллионер — бедный человек, а немецкий — богатый. Американский миллионер, в свою очередь, почти вдвое богаче немецкого. После полного перехода на евро в Европе исчезнет множество миллионеров, но их в любом случае будут так называть, потому что привыкли обозначать данным словом человека, который может позволить себе практически все.

В моем понимании миллионер — это тот, кто может исполнить свои желания, не будучи ни от кого зависимым.